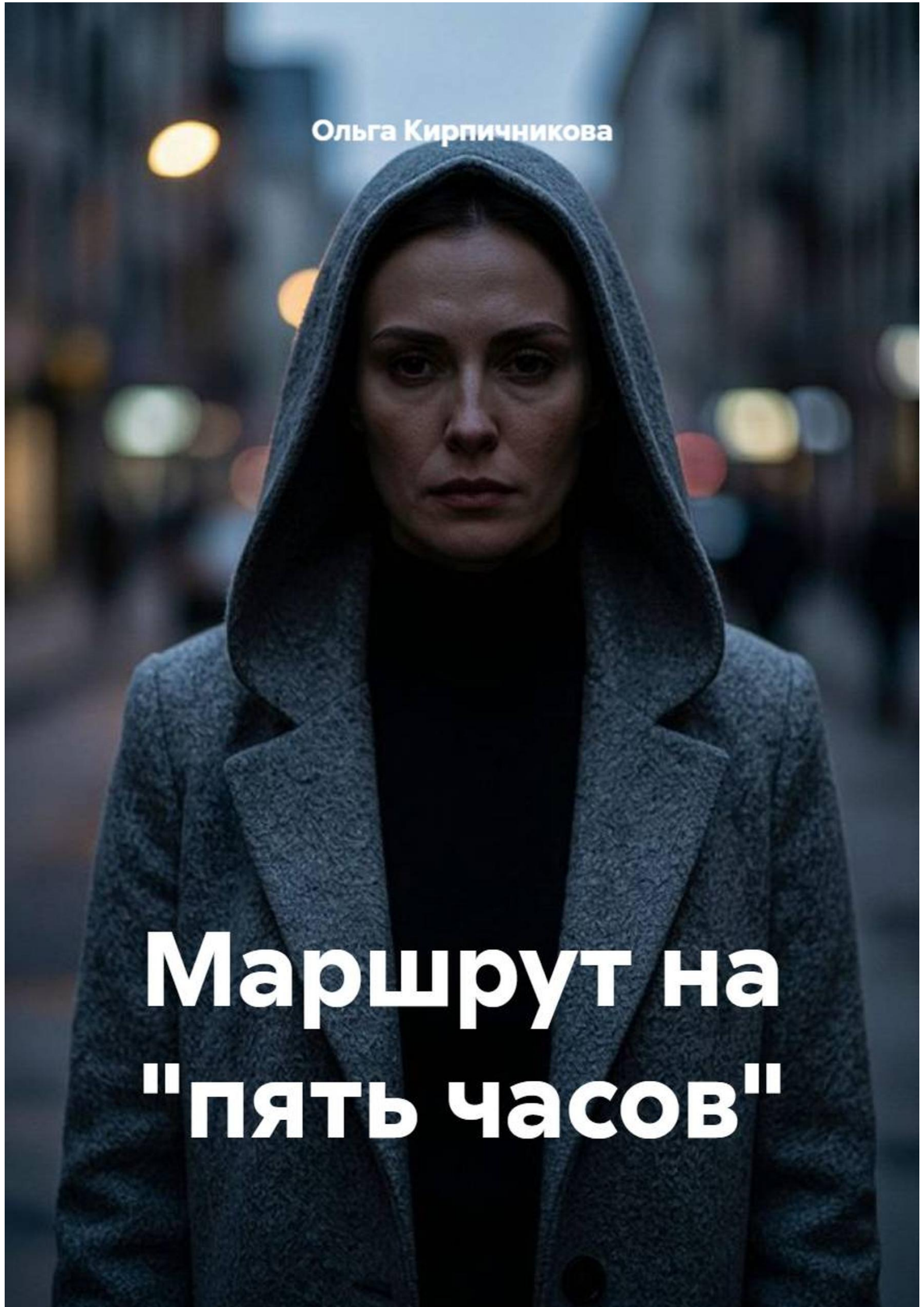
Ольга Кирпичникова
Маршрут на "пять часов"

Ольга Кирпичникова

Маршрут на "пять часов"

«Автор»
2026

Кирпичникова О. С.

Маршрут на "пять часов" / О. С. Кирпичникова — «Автор», 2026

Жизнь в тени абьюза...Она знала, что у неё есть ровно семь часов: успеть забрать детей из садика и школы, собрать документы, найти крышу над головой — и не вернуться. История о том, как одна женщина решилась на самый страшный и самый честный шаг — уйти, чтобы её дети больше никогда не вздрагивали от звука ключа в замке. Финал без фальши: не и всё стало хорошо, а дальше

© Кирпичникова О. С., 2026
© Автор, 2026

Ольга Кирпичникова
Маршрут на "пять часов"

Глава первая. Очередь

Марина появилась в её жизни семь лет назад, в очереди в детскую поликлинику, когда Димке было полгода и у него резались зубы. Марина держала на руках своего, орал так, что заглушал Димку, и сказала через очередь, через головы, без всякого знакомства: «Держитесь, девочки, это у них всё». И это «девочки» — сразу обоим, сразу на равных — решило всё.

За семь лет они отравили друг другу жизнь разговорами и спасли её же — по меньшей мере трижды: когда Саша выла от бессонницы с младенцем, когда умерла Сашина мама… нет, мама умерла позже, но была госпитализация, и Марина сидела в коридоре больницы всю ночь с термосом, — и когда у Марины разошёлся муж, и Саша держала её за руку на пороге нотариуса. Женская дружба — это не походы в кино. Это кто сидит в коридоре.

И теперь Витя сказал: «Марина тебя настроивает».

Слово «настраивает» он произносил так, как врачи произносят диагноз. Она настраивает. Она подруга, а подруги настраивают. Семь лет сидения в коридорах — «настраивает».

— Она у меня единственная близкая, — сказала Саша. Голос был ровный; она тренировалась.

— Так и Ленков врач один. Один — не аргумент. Она тебе завидует, вот что. Небогатая, брошенная, сидит одна, — а ты семья, дом. Она тебе втирает, что твой муж деспот, чтобы ты тоже осталась одна. Это элементарно, логика простая.

— Она никогда не говорила про тебя плохо.

— Потому что хитрая. — Он жевал губу, соображая, как докрутить. — Ладно. Хочешь общаться — общайся. При мне. В моей квартире. Раз в месяц. Воскресенье, днём. Я буду дома.

Так родились воскресенья. Марина приходила, садилась на самый край стула — раньше она садилась по-хозяйски, ноги под себя, — и говорила о нейтральном: о ценах, о мультиках, о чьём-то отоплении. А Витя ходил по квартире. Или сидел в той же комнате с телефоном, и его присутствие было как присутствие третьего, который всё слышит и ничего не забудет. Ленка вязалась к Марине, забиралась на колени, и Марина гладила её по голове, а Саша смотрела на эту картину и думала: Марина за год узнала Ленку меньше, чем раньше за один вечер, потому что теперь они никогда не были наедине, и Ленка, сторожкая, как все дети в таких домах, при нём молчала о настоящем.

Настоящее однажды всё равно прорвалось. В середине воскресенья Ленка, разрисовывая Маринин блокнот, сказала вдруг:

— А у вас дома папа не стучит?

— В смысле — стучит? — Марина не поняла.

— Ну, тарелки. В стену. У нас мама мыла, а он стукнул тарелку в стену, и было много-много белого, — Ленка показала руками разлёт осколков, широкий, как салют, — и маме пришлось убирать ночью, потому что папа спать хотел.

Стало тихо. Витя был на кухне — но на кухне не было шума, и Саша знала, что значит: он стоит и слушает.

— Пошли с тобой зайчика рисовать, — сказала Саша громко, весело, страшно. — У тебя же зайчик в садике, покажи Марине, какого зайчика вы рисовали.

И Ленка, повинуясь тону, который дети в этих домах распознают раньше слов, — Ленка кивнула и стала рисовать зайчика. И зайчик получился хороший, с морковкой.

А Марина потом, в прихожей, пока Витя был в санузле, наклонилась к Саше, как наклоняются к прилавку, тихо, на одно дыхание:

— У тебя рука что — в прошлый раз? Ты тогда рукав длинный была.

— Ушиблась. Об косяк.

— Об косяк, — повторила Марина ровно. И посмотрела. И Саша не выдержала этого взгляда — четыре секунды, пять, — и опустила глаза, и поняла, что только что сказала всё. Словами — ничего, а всё — сказала.

Глава вторая. Обычный

Саша проснулась раньше будильника и лежала, глядя в потолок, на ту сторону кровати, где ровно дышал Витя. Она знала этот сон, ещё не проснувшись до конца: во сне она выходила из подъезда и оглядывалась, и за спиной не было ничего, ни двери, ни дома, — и это было не страшно, а легко, и от этой лёгкости она просыпалась, как просыпаются от падения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.